

Майсак Т. А. Рец.: Harris A.C. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002 // *Кавказоведение*. 2003. №3. С. 168-178.

Harris, Alice C. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002. XVI+299pp.

Научное изучение удинского языка – одного из языков лезгинской группы восточнокавказской (нахско-дагестанской) семьи – ведется уже на протяжении полутора веков; за это время на немецком, русском, грузинском языках вышло несколько монографий, посвященных грамматической структуре этого языка (см. прежде всего [Schiefner 1863; Дирр 1904; Jeiranišvili 1971; Pančvidze 1974; Schulze 1982]), публиковались удинские тексты и словарь. Новая книга Э. Харрис “Эндоклитики и происхождение удинского морфосинтаксиса” – первая англоязычная монография по удинскому языку, и это первое фундаментальное исследование одного из ключевых явлений удинской грамматики – системы показателей личного согласования в ее синхронном состоянии и историческом развитии.

Автор книги, профессор Государственного университета штата Нью-Йорк Элис Харрис, известна прежде всего как крупный специалист по картвельским языкам (редактор первого тома энциклопедии кавказских языков [Harris (ed.) 1991], автор книг по синхронному и диахроническому синтаксису грузинского языка [Harris 1981; 1985]), а также специалист по историческому синтаксису в целом (см. фундаментальную монографию [Harris, Campbell 1995]). Лезгинские языки – в частности, удинский и табасаранский – являются второй основной областью интересов Э. Харрис в рамках кавказоведения.

При взгляде на название книги может сложиться впечатление, что в ней рассматриваются слишком специфические проблемы, интересные лишь узкому кругу специалистов-кавказоведов (или даже только лезгиноведов). Это, однако, далеко не так. На примере удинского языка в монографии обсуждаются важнейшие вопросы общей лингвистической теории, прежде всего – вопросы морфологической структуры слова (в т.ч. критерии определения того, что именно является единым “словом”), диахронического развития синтаксических структур, праязыковой реконструкции морфологических и синтаксических моделей и др. Данная книга будет, бесспорно, интересна как специалистам по морфологии и синтаксису (и прежде всего проблемам их взаимодействия – так наз. “морфолого-синтаксическому интерфейсу”), так и специалистам по сравнительно-историческому языкознанию, в особенности интересующимся реконструкцией морфосинтаксических явлений. Сам автор также отмечает (в “Предисловии”), что книга ориентирована в первую очередь на специалистов по общему языкознанию.

Отметим, в связи с этим, что при всей серьезности и сложности обсуждаемых в работе проблем, восприятие достаточно “экзотического” кавказского материала не окажется для читателя чересчур трудным – аккуратное оформление примеров и, в частности, наличие отдельной строки с поморфемным переводом (“глоссированием”), в сочетании с последовательным и логически безупречным стилем изложения делает книгу полностью доступной самому широкому кругу лингвистов, не являющихся специалистами по кавказским языкам. Кроме того, в одной из первых глав монографии (“Введение в синхронию”) содержится общий очерк грамматической структуры удинского языка: краткая характеристика системы падежей и видо-временной парадигмы, подробное описание морфологии и морфонологии личных показателей, а также сведения об образовании пар транзитивных/нетранзитивных глаголов и о порядке слов. Тем

самым, данная монография может служить хорошим введением в удинский язык как для неспециалистов по кавказским языкам, так и для кавказоведов; отметим, что в ряде случаев автор предлагает собственные трактовки некоторых спорных грамматических явлений, причем, как правило, эти трактовки представляются более выигранными по сравнению с предшествующими описаниями.

Монография состоит из трех частей (включающих 12 глав), общее ее строение таково: в первой части (“Проблема”) описываются задачи, материал и методы исследования, во второй части (“Эндоклитики в удинском языке”) дается подробный анализ синхронного состояния системы личного согласования в удинском языке, и в третьей (“Объяснение”) выдвигаются гипотезы о диахроническом развитии удинской грамматической системы, которое и привело к той сложной и необычной ситуации, которая наблюдается в современном языке.

Рассмотрим подробнее содержание книги.

Как известно, достаточно распространенным в современной лингвистике является положение о том, что морфологические принципы, лежащие в основе строения слов (словоформ), в корне отличны от синтаксических принципов, на которых основано строение предложений. В соответствии с этим положением, получившем название “гипотезы лексической целостности” (Lexical Integrity Hypothesis), синтаксические правила не могут влиять на морфологическое строение словоформ (и наоборот). Эта гипотеза оказывается, однако, неверной применительно к данным удинского языка, что и демонстрируется в единственной главе первой части (“Задача и подход”). Дело в том, что известной особенностью удинского (отличающей его от подавляющего большинства восточнокавказских языков) является наличие системы личного согласования. Показатели согласования формально представляют собой клитики, причем их поведение для клитик достаточно неожиданно: они не только способны примыкать к опорному слову в качестве энклитик, но и занимать позицию между двумя морфемами единой глагольной словоформы, и более того – разрывать глагольный корень. Правила, регулирующие расположение клитик, по крайней мере частично являются синтаксическими, а не морфологическими; так, если показатель согласования располагается не в глаголе, то он примыкает к одной из зависимых от глагола синтаксических составляющих. Единицы подобного статуса и именуется в книге “эндоклитиками”, т.е. клитиками, способными встречаться внутри единой словоформы. Ранее считалось, что эндоклитики не существуют в языках мира, и в этом отношении данные удинского языка особенно важны для общей лингвистической теории.

Основное правило линейного расположения удинских личных показателей в предложении было впервые сформулировано Э. Харрис в статье [Harris 1996] и подробно описывается в главе “Фокус”. Это правило таково: (А) Личные показатели примыкают как энклитики непосредственно к той составляющей, которая находится в фокусе, причем если в фокусе находится не главный глагол, то фокусируемая составляющая с личным показателем, как правило, непосредственно предшествует глаголу. Само понятие фокуса определяется автором, вслед за влиятельной работой [Lambrecht 1994], следующим образом: фокус – это тот семантический компонент высказывания, посредством которого ассерция отличается от пресуппозиции. Так, если известно, что ‘кто-то взял яблоко’ (пресуппозиция), то в высказывании *МАЛЬЧИК взял яблоко* фокусом является именная группа ‘мальчик’, поскольку именно в ней заключена та часть содержания, которая не предсказуема заранее и не выводима прагматически. Ср. в этой связи пример (1) из удинского языка, в котором личный показатель *-ne* (3 лицо ед.ч.) присоединяется к фокусируемой именной группе *duel-en* ‘мальчик’ в эргативе:

- (1) äyel-en-ne aq'-e eš-n-ux.
мальчик-Erg-3sg брать-Aor яблоко-Obl-Dat
Это МАЛЬЧИК взял яблоко.

Как известно из типологических работ по данной проблематике, в фокус обязательно входят такие единицы, как вопросительные слова (в частных вопросах), ответы на частные вопросы (точнее, то слово, которое непосредственно “отвечает” на вопросительное) и показатели отрицания. Э. Харрис показывает, что для всех трех типов единиц, универсально связанных с фокусным выделением, в удинском языке выполняется правило (A); предложения с иным расположением личного показателя неграмматичны или прагматически неприемлемы в соответствующем контексте.

В главе “Свойства клитик” показано, что удинские личные показатели являются именно клитиками, а не аффиксами: это обстоятельство важно, поскольку их поведение во многом необычно для клитик. Анализ личных показателей (а также сочинительной клитики *-al*, клитики прошедшего времени *-y/-i* и некоторых других) проводится на основе диагностических критериев “клитичности”, обсуждаемых в работах наиболее влиятельных специалистов по проблеме – А. Цвики и Дж. Пуллума, Дж. Клаванс и С. Скализе. Бульшая часть критериев однозначно указывает на то, что удинские личные показатели имеют статус клитик – так, они могут присоединяться к различным классам опорных слов (глаголы, существительные, прилагательные, местоимения, наречия, послелог); алломорфия личных показателей описывается достаточно простыми правилами, причем их присоединение к опорным словам не вызывает у последних каких-либо изменений означаемого; возможно опущение совпадающего личного показателя при втором из сочиненных глаголов; личный показатель может следовать за другой клитикой (что было бы невозможно для аффикса) и т.п. Напомним, что более корректно считать, что личные показатели присоединяются не к лексеме, а к целой составляющей (с целью ее фокусного выделения) – а именно такая дистрибуция также характерна для клитик, но не для аффиксов.

Для выяснения правил расположения личных показателей в глаголе необходимо хорошо представлять себе морфологическую структуру глагола, и именно она подробно рассматривается в специальной главе “Сложные глаголы”. В современном удинском языке имеется лишь небольшое количество простых, т.е. мономорфемных, глагольных основ (порядка 50), причем их значительную часть составляют глаголы на согласный *b-*, представляющий собой бывший (“окаменевший”) классный показатель, ставший в результате переразложения частью корня (категория именного класса в удинском полностью утрачена). Сложные же глаголы анализируются автором книги как состоящие из “инкорпорированного элемента” (напр., существительного, прилагательного, наречия или основы непереходного глагола) и служебного глагола (так наз. “light verb”, LV).¹ Ср., например, такие примеры сложных глаголов, как *lašk'o-b-* [свадьба-делать] ‘жениться’, *xabar-aq'*- [новости-брать] ‘спрашивать’, *gom-duy-* [цвет-бить] ‘красить’, *geläš-p-* [танец-говорить] ‘танцевать’, *kala-bak-* [большой-стать] ‘вырастать’, *boš-t'-* [внутри-LV] ‘сажать (напр., дерево)’ и пр. Далее автор применяет несколько диагностических тестов, показывая, что сложные глаголы являются едиными лексемами (а не синтаксическими сочетаниями): помимо фонологического единства и отсутствия семантической аддитивности, на это указывает, например, невозможность

¹ Синхронно такой же анализ предпочтителен и для глаголов, содержащих направительные морфемы – исторически это глагольные превербы, но в настоящее время они не осознаются как таковые и функционируют как один из возможных типов “инкорпорированных элементов” (с. 78).

использования некоторых из “инкорпорированных элементов” или “служебных глаголов” в качестве самостоятельных лексем; функционирование всего комплекса как единого целого в словообразовательных процессах; невозможность разбиения комплекса отрицательной морфемой; невозможность сочинительного сокращения или опущения одного из совпадающих служебных глаголов при двух различных “инкорпорированных элементах” (ср., напр., *cam-ne-p-e*, *k'al-ne-p-e* [писание-3sg-говорить-Аог, читать-3sg-говорить-Аог], но **cam-k'al-ne-p-e* [писание-читать-3sg-говорить-Аог] в форме аориста). Наконец, дается характеристика собственно “инкорпорированным частям” сложных глаголов, которые рассматриваются именно как случай инкорпорации, хотя и отличающейся по ряду свойств от классических примеров, описываемых в литературе. Надо сказать, что применение понятия “инкорпорация” к анализу сложных глаголов в лезгинских языках представляется интересным и продуктивным, при том, что ранее в лезгиноведческой традиции оно, как кажется, не использовалось.

Целиком система правил, определяющих расположение клитик в предложении, подробно рассмотрена в главе “Позиция клитик в удинском языке” – главным образом речь идет о личных показателях, но упоминаются и другие клитики (напр., конъюнктива *-q'a* и прошедшего времени *-u/-i*). Автору впервые удается сформулировать все условия, которые определяют позицию личного показателя, причем эти условия включают в себя целый ряд разнородных параметров – учитываются и синтаксические понятия (напр., “фокусируемая составляющая” или “именное сказуемое”), и морфологическая структура глагола, и фонологическая структура глагольной основы, и конкретные грамматические формы (напр., будущее время или императив), и индивидуальные лексемы-исключения. В частности, если личный показатель располагается в глагольной словоформе, то в сложных глаголах он занимает позицию между “инкорпорированным элементом” и собственно глагольной частью (ср. *aš-ne-b-sa* [работа-3sg-делать-Pres], где сложный глагол включает в себя инкорпорированное имя *aš* ‘работа’ и служебный глагол *b-* ‘делать’), в мономорфемных глагольных основах он находится перед последней согласной корня (ср. *ba-ne-k-sa* [быть₁-3sg-быть₂-Pres] ‘он есть’, при едином корне *bak-* ‘быть, стать’), но в определенных видо-временных формах всегда занимает конечную позицию (ср. будущее время *bašq'-al-q'un* [красть-Fut-3pl] ‘они украдут’). Семь базовых правил расположения личных показателей упорядочены иерархически в соответствии с их приоритетом и позволяют объяснить и предсказать порядок клитик для всех известных примеров. Показано также, что расположение клитик нельзя описать только в терминах места ударения (напр., “клитика располагается после ударного слога”).

Таким образом, материал глав второй части показывает, что в удинском языке существуют морфемы, имеющие бесспорный статус клитик, но при этом способные располагаться между морфемами единой словоформы (и более того – внутри мономорфемных глагольных основ), т.е. внутри слова. Эти данные являются крайне неожиданными и проблематичными для морфологической теории – оказывается, что “лексическая целостность” (см. выше) не является универсальным критерием определения того, что считать единым словом: на удинском материале видно, что в языке может при определенных условиях нарушаться не только целостность слова, но и целостность морфемы, которая фактически “разрывается” другой морфемой, причем (что принципиально) имеющей статус клитики.

Возможность подобной ситуации (т.е. самого существования эндоклитик) в современных морфологических теориях, как правило, не признается. Более того, как отмечает Э. Харрис, “поскольку лингвисты не верили, что эндоклитики существуют, мы создали лингвистические теории, которые *запрещают* построение подобных структур”

(с. 145). В одной из глав (“Подход Теории оптимальности”) автор, однако, предпринимает попытку описать установленные правила расположения удинских эндоклитик в рамках одной из современных формальных теорий – Теории оптимальности (Optimality Theory). Эта теория является, вероятно, единственной, которая позволяет формализовать данные правила (Э. Харрис опирается на тот способ формализации, который представлен в работе [McCarthy, Prince 1993], где рассматриваются проблемы инфлексии). Правила расположения клитик представляются в виде ограничений на результирующую морфологическую структуру, упорядоченных по рангу – в результате применения ограничений выбирается та последовательность морфем, которая является оптимальной, т.е. нарушает меньше всего запретов.

Далее автор переходит к объяснительной части работы, высказывая предположения о том, каким образом в удинском языке возникли эндоклитики, какие морфосинтаксические процессы происходили в истории этого языка, в силу чего он оказался во многих отношениях исключительным не только среди других восточнокавказских, но и среди языков мира в целом. В частности, в главе “Введение в диахронию: происхождение удинского морфосинтаксиса” делается попытка установить, какие из наиболее важных для рассматриваемой проблемы грамматических явлений относятся к общим для всех лезгинских языков и которые, тем самым, можно отнести к пралезгинскому уровню.² Это, во-первых, базовые структурные модели предложения – эргативно-абсолютивная (эргативом оформляется агенс переходного глагола, абсолютивом пациенс) и так наз. “инверсивная” (дательном оформляется экспериенцер, абсолютивом стимул) и, во-вторых, система именных согласовательных классов, изначально включавшая 4 класса, но в настоящее время полностью утраченная в удинском. Далее высказываются и обосновываются утверждения о том, что возникновение личных показателей в удинском языке происходило независимо от других лезгинских языков (например, табасаранского, где также имеется система личного согласования), что личные показатели имеют местоименное происхождение (и восходят, соответственно, к эргативу/абсолютиву, дативу и генитиву личных местоимений 1-2 лиц и указательного местоимения) и что особый согласуемый показатель 3 лица *-a* в вопросительных предложениях происходит из союза *ua* ‘или’ (персидское заимствование, распространенное во многих языках Кавказа)³.

Реконструкции структуры пралезинского глагола и рассмотрению нескольких гипотез о возникновении удинских личных показателей в качестве эндоклитик посвящена самая большая по объему глава “Развитие удинского глагола из пралезгинского источника”. Эволюция сложных глаголов происходила, по-видимому, через следующие этапы: фокусная конструкция с выделением пациенса (стоящего перед глаголом) являлась источником ряда “лексикализованных сочетаний”, т.е. идиоматичных по значению сочетаний из глагола и его дополнения; такие лексикализованные сочетания могли претерпевать морфологизацию, превращаясь в сложные глаголы (каждый из которых представлял собой уже единое слово с инкорпорированной именной частью). Условно это развитие можно представить в виде схемы: *FocC-PM V* → *ComE-PM V* → *IncE-PM-V*, где *V* – глагол, *PM* – личный показатель, а *FocC*, *ComE*, *IncE* – соответ-

² Аналогичная задача ставилась ранее такими исследователями, как М.Е.Алексеев и В.Шульце, на работы которых (в частности, [Алексеев 1985]) опирается и Э. Харрис.

³ Из-за большей сосредоточенности на внутриязыковых механизмах за рамками работы остались некоторые любопытные параллели, которые могут указывать на контактное влияние со стороны других языков: так, на развитие удинского личного показателя третьего лица ед.ч. *-ne* могло оказать определенное влияние наличие в армянском языке личного местоимения третьего лица *na* (и соответствующего ему демонстратива *-n*, являющегося энклитикой).

венно, фокусируемая составляющая, компонент сочетания и инкорпорированный элемент (в последнем случае граница между словами превращается уже в морфемную границу внутри единой словоформы). Очевидно, личные показатели не развивались в инфиксальной (“интраморфемной”) позиции *in situ*; скорее произошел процесс их постепенного передвижения в эту позицию при определенных условиях. Для объяснения этого процесса выдвигаются следующие гипотезы: (Г1) произошло “окружение” (trapping) личных показателей после того, как в ряде сложных глаголов именная часть была инкорпорирована глаголом (см. переход от второй к третьей стадии на схеме выше); (Г2) поскольку большая часть служебных глаголов состоит из единственной согласной, позиция перед последней согласной основы стала восприниматься как позиция для личного показателя (при фокусе на глаголе), в результате чего по аналогии у непроизводных мономорфемных корней личные клитики стали занимать инфиксальную позицию (ср. *ak'* - ‘видеть’ – *a-t'u-k'-sa* ‘он видит’, где *-t'u-* – показатель 3-го лица “инверсивной” серии); (Г3) конкурирующей гипотезой является та, что все позиции для личных показателей были наследованы у позиции классных показателей – со временем последние утратились, но само место согласовательного аффикса оказалось занятым вновь возникшими личными клитиками. Автор предпринимает критическую оценку всех гипотез на основе доступных диахронических данных – в частности, привлекаются сведения о реконструкции конкретных пралезгинских корней (на основе работ [Nikolayev, Starostin 1994] и [Schulze 1988]). Хотя гипотеза о “наследовании позиции” позволяет объяснить многие факты, она не подходит для всех случаев. Поэтому наиболее вероятно, что все три процесса, указанные в формулировках гипотез (Г1)- (Г3), сыграли свою роль в эволюции удинских эндоклитик.

Удинский язык на разных этапах своей истории испытывал влияние азербайджанского, грузинского, армянского, персидского и др. языков, которые могли сыграть свою роль и в возникновении личного согласования в этом языке. Однако удинский тип маркирования личного согласования остается уникальным и не совпадает ни с одним из перечисленных языков. В главе “Происхождение фокуса в удинском языке” Э. Харрис пытается установить внутриязыковые механизмы развития удинских согласовательных показателей. Основная идея заключается в том, что личные клитики восходят к личным и указательным местоимениям, которые использовались в фокусной конструкции с “расщеплением предложения”. Фокусные конструкции, как известно, имеются во многих восточнокавказских языках, причем, как правило, показателем фокусного выделения является расположение глагола-связки непосредственно после фокусируемой составляющей (см. работы К. И. Казенина, Н. Р. Сумбатовой и др.). Существуют основания полагать, что в раннем удинском языке фокусная конструкция имела вид биклаузного “расщепленного предложения”, или клефта⁴. Условно эту конструкцию можно изобразить как (2а) – букв. “Это есть еда, что сестры приготовили”:

(2а) *хогаг* *СОР*, [*но* *хунџи-муу-он* *һазирб-и*].
 еда:Absl есть это:Absl сестра-Pl-Erg готовить-Ptcpl
 Это ЕДУ приготовили сестры.

Глагол-связка (СОР), если и существовал в раннем удинском, впоследствии был утрачен, а биклаузальная конструкция (состоявшая из главного предложения “это есть

⁴ Ср.: “Клефт – специфическая разновидность сложноподчиненных предложений, в которых собственно главная часть целиком относится к реме, а зависимая клауза – к теме” [Тестелец 2001: 446], например, как в англ. *It is John who speaks* ‘Это Джон говорит’ или русск. *Что касается меня, то я ухожу*.

еда” и зависимого “что приготовили сестры”) превратилась в моноклаузальную – ср. (2б) из современного удинского:

(2б) хунџи-муу-оп хогаг-ах-q’un häzırb-esa.
сестра-Pl-Erg еда-Dat-3pl готовить-Pres
Сестры готовят еду.

При переходе от (2а) к (2б) изменился контролер согласования – им стало подлежащее главного глагола (в данном случае именная группа третьего лица мн. ч. ‘сестры’ в эргативе), а не субъект при связке; глагол стал выступать в финитной форме, а не в форме причастия (PtcpI). Местоимение же, введившее в (2а) зависимое предложение, превратилось в согласовательный показатель, присоединяемый в качестве энклитики к фокусируемой составляющей. Такой путь развития объясняет тот факт, что в настоящее время личные показатели служат для выражения фокуса; более того, данное предложение “согласуется со всем, что известно о фокусе в удинском языке XIX века и в современном языке, о местоимениях в удинском языке и местоимениях, реконструируемых в пралезгинском, о фокусных “клефтах” в других восточнокавказских языках, об универсалиях фокусных клефтов и преобразований биклаузальных структур в моноклаузальные” (с. 241-242).⁵

В заключительной главе книги “Объяснение происхождения позиций личных показателей” резюмируются те пути развития, которые привели к сложной системе правил расположения согласовательных клитик (сформулированных в отдельной главе). Позиция личных показателей на фокусируемой составляющей, непосредственно предшествующей глаголу, восходит к конструкции с “фокусированием аргумента”, зарождение которой описано выше. В качестве эндоклитики внутри глагольной словоформы личные показатели стали использоваться в результате процесса “слияния” (univerbation) частей глагольно-именных сочетаний в единую лексему. Кроме того, автор высказывает оригинальные гипотезы о диахронической эволюции показателей отрицания, конъюнктива (-q’a) и будущего времени (-al), которые объясняют особенности позиции личных клитик в соответствующих формах.

Еще один важный круг явлений удинского морфосинтаксиса рассматривается в главе “Изменения в падежном маркировании”: это использование датива для маркирования прямого дополнения, эргатива для маркирования подлежащего у некоторых непереходных глаголов, а также частичная утрата дативной (“инверсивной”) конструкции. Прямое дополнение, выраженное абсолютивом, имело тенденцию к инкорпорации в составе сложного глагола (см. выше) и, тем самым, утрате автономного статуса. У ряда сложных глаголов с подобной инкорпорацией прямого объекта бывшее косвенное дополнение в дативе (имеющем локативное происхождение) стало интерпретироваться как прямой объект. Так возникла ситуация, при которой в современном языке прямое дополнение может маркироваться как абсолютивом (при неопределенном референте), так и дативом (при определенном референте). Эргативное же маркирование подлежащего непереходного глагола (в частности, многих сложных глаголов со служебной частью *p-* ‘говорить’) возникло вследствие того, что эти глаголы восходят к обычным переходным сочетаниям (прямой объект в которых был впоследствии ин-

⁵ Все это не означает, однако, что невозможны альтернативные сценарии происхождения личных показателей: так, по предположению В. Шульце, для маркирования фокуса первоначально использовался пралезгинский показатель *-ni (во всех лицах), который затем в контекстах 1-го лица стал заменяться на личное местоимение, а показатели других лиц впоследствии сформировались не без влияния фонетической формы *-ni. См. подробнее новое грамматическое описание удинского языка [Schulze 2003], готовящееся к печати.

корпорирован в глагол). Тем самым, оба ключевых процесса, связанных с отходом от чисто эргативной стратегии кодирования (alignment), обусловлены возникновением сложных глаголов в результате инкорпорации именной части. Что же касается дативной конструкции, то как тип падежного оформления (при некоторых экспериенциальных глаголах) она исчезла в обоих удинских диалектах (где экспериенцер оформляется эргативом), хотя в варташенско-октомберийском сохраняется на уровне личного согласования (имеется особая “инверсивная” серия личных клитик).

Наконец, любопытен и общий вывод автора о том, что согласовательная стратегия в ходе истории удинского языка сменилась от чисто эргативной в пралезгинском (классный показатель согласовался только с прямым объектом) до чисто аккузативной в современном удинском (личные показатели согласуются со всеми типами подлежащих, но не с объектом). Стратегия же падежного оформления остается смешанной, с элементами как чисто эргативной, так и активной (ср. использование эргатива у многих непереходных глаголов), при необычном для обоих типов дополнительном способе маркирования прямого объекта дативом.

Закljučая обзор содержания книги, отметим, что при всей убедительности (и, можно сказать, “красоте”) реконструкции удинских морфологических и синтаксических моделей, данная реконструкция все же остается гипотетической, и ее дополнительная проверка и корректировка в будущем необходимы. Одним из путей подобной проверки является привлечение материала ниджского диалекта в большей степени, чем это сделано в книге Э. Харрис: пока нет уверенности в том, что все, что утверждается в книге про варташенско-октомберийский диалект, верно и для ниджского, а между тем выводы о “праудинском” состоянии могут быть, очевидным образом, сформулированы лишь при учете данных обоих диалектов во всей их полноте.⁶ Другая возможность оценки качества диахронических построений предоставится в случае, если будут расшифрованы новые рукописи на агванском языке. Как бы то ни было, последние исследования Э. Харрис – это, бесспорно, лучшее, что имеется на сегодняшний день в рамках доступных нам языковых данных.

Переходя к общей оценке работы, подчеркнем еще раз, что книга Э. Харрис является в первую очередь значительным вкладом в общую теорию языка. По оценке самого автора, по сути это книга “о том, что такое слово” (с. 3). При том, что понятие “слово” является базовым для морфологии и одним из ключевых для науки о языке в целом, наше представление о том, какими свойствами может обладать слово в естественном языке, все еще далеко от исчерпывающего.⁷ Автору книги “Эндоклитики и происхождение удинского морфосинтаксиса” удалось сказать новое слово в рамках данной проблемы, показав, что не является абсолютным принцип “лексической целостности”, т.е. непроницаемости слова для синтаксических правил.

Помимо этого, данная монография (точнее, ее третья часть) представляет собой чрезвычайно увлекательный и убедительный пример реконструкции морфосин-

⁶ За последние годы диалектная картина удинского языка претерпела значительные изменения вследствие миграционных процессов: в настоящее время в Варташене (ныне Огуз) проживает всего около 100 удинов, в Октомбери их число также сократилось и составляет порядка 80 человек. Основная масса удинов, как и прежде, проживает в Нидже (порядка 4,5 тыс. чел.), а кроме этого значительная их часть (около 3 тыс. чел.) в последние годы переселилась из Азербайджана и Грузии в сопредельные государства бывшего СССР – прежде всего в Россию, Казахстан, Туркменистан, Украину. См. также данные в [Javadov, Huseinov 2002; Clifton et al. 2002].

⁷ Отметим в связи с этим недавний выход в свет сборника статей [Aikhenvald, Dixon (eds.) 2002], посвященного типологии слова в формальном аспекте. (Сборник содержит, помимо прочего, статью Э. Харрис “Слово в грузинском языке”).

таксических моделей в языке, фактически не имевшем письменной фиксации до середины XIX века. Описание диахронической эволюции удинских сложных глаголов, показателей личного согласования, фокусной конструкции, моделей падежного маркирования и пр. является прекрасным образцом применения принципов сравнительного метода на его современном этапе. Кроме того, историческая перспектива помогает понять, что та нетривиальная и неожиданная ситуация с нарушением принципа “лексической целостности”, которая наблюдается в современном языке, не является абсурдной или необъяснимой аномалией, а проистекает из закономерных морфосинтаксических процессов, в той или иной мере имеющих параллели и в других языках.

Выше мы говорили в основном об общетеоретической значимости рецензируемой монографии. При этом, нет сомнений и в том, что перед нами одно из наиболее важных и глубоких исследований по кавказоведению последних десятилетий. Широта и глубина проработки обсуждаемого в книге круга вопросов выводит на новый уровень изучение удинского языка и лезгинских языков в целом. Становится очевидно, что очень многие вопросы грамматического строя этих языков требуют куда более серьезного теоретического осмысления (пример чего и дает книга Э. Харрис), чем они получают обычно. Укажем в связи с этим на две особенности книги, которые, по нашему мнению, делают ее выдающимся явлением в нахско-дагестанском языкознании.

Во-первых, это рассмотрение всех описываемых грамматических явлений в теоретической перспективе (а не просто в виде собрания фактов). Речь при этом идет не о теоретизировании как таковом, а об использовании аппарата современной грамматической теории применительно к новому и во многом нестандартному удинскому материалу. Напомним, что при анализе языковых данных автор опирается на современные теоретические и типологические исследования фокуса (К. Ламбрехт и др.), клитик (А. Цвики, Дж. Пуллума и др.), инкорпорации (С. Розен и др.); кроме того, привлекается формальный аппарат Теории оптимальности, а также принципы исторической реконструкции синтаксических моделей, суммированные в книге Э. Харрис и Л. Кемпбелл. Погружение удинских данных в теоретическую перспективу оказывается продуктивным “в обе стороны”: грамматические явления удинского языка получают более строгое и глубокое описание, позволяющее увидеть как типологически стандартные, так и уникальные черты данного языка среди других языков мира; кроме того, удинский материал позволяет внести определенные коррективы и в те постулаты современных теорий, которые находятся в противоречии с наблюдаемыми данными, фактически впервые введенными Э. Харрис в общетеоретическую и общетипологическую перспективу.

Во-вторых, книгу отличает предельно четкая логическая структура: все языковые явления характеризуются максимально полным образом, все выдвигаемые гипотезы принимаются или отвергаются на основе убедительной и доказательной аргументации. Автор не допускает никаких натяжек, а все случаи, когда выводы являются лишь гипотетическими и нуждаются в дополнительном подтверждении, эксплицитно оговариваются. Можно только пожелать, чтобы подобная культура научного изложения скорее стала нормой и в отечественном кавказоведении (и языкознании в целом).

Таким образом, книга Э. Харрис “Эндоклитики и происхождение удинского морфосинтаксиса” затрагивает важнейшие проблемы современной теории языка, которые рассмотрены на материале одного из наиболее удивительных в типологическом отношении языков Кавказа. Выход этой книги является, безусловно, значительным событием как в кавказоведении, так и в лингвистике в целом.

- Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Дирр А. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1904.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *Word: A Cross-linguistic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Clifton J. M., Clifton D. A., Kirk P., Ljuskjell R. The Sociolinguistic Situation of the Udi in Azerbaijan // *Studies in the Languages of Azerbaijan*. Vol. 1, 2002.
- Harris A. C. *Georgian Syntax: A Study in Relational Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Harris A. C. *Diachronic Syntax: The Kartvelian Case*. (Syntax and Semantics, 18.) New York: Academic Press, 1985.
- Harris A. C. Focus in Udi // Aronson H. I. (ed.). *Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*. (NSL 8.) Chicago: Chicago Linguistic Society, 1996.
- Harris A. C. (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus: Kartvelian*. Delmar, N.Y.: Caravan Press, 1991.
- Harris A. C., Campbell L. *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Javadov G., Huseinov R. The Udis: Historico-Ethnographic Research // *Studies in the Languages of Azerbaijan*. Vol. 1, 2002.
- Jeiranišvili E. *Udiuri ena: Gramat'ik'a, krestomat'ia, leksik'oni*. Tbilisi, 1971.
- Lambrecht K. *Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus and the Mental Representations of Discourse Referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- McCarthy J. J., Prince A. S. Generalized Alignment // *Yearbook of Morphology 1993*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. *Etymological Dictionary of North Caucasian Languages*. Moscow, 1995.
- Pančvidze V. *Uduri enis gramat'ik'uli analizi*. Tbilisi, 1974.
- Schiefner A. A. *Versuch über die Sprache der Uden*. St. Petersburg, 1863.
- Schulze W. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdzan*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Schulze W. *Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Süd-Ostkaukasischen (Lezgischen) Grundsprache*. (MS.) Bonn, 1988.
- Schulze W. *A Functional Grammar of Udi*. To appear 2003.